

УДК801.6:1(091)
ББК 87.3

**В.Г. Кульпина,
В.А. Татаринов**

КАТЕГОРИЯ МНОГООБРАЗИЯ В ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Рассматривается лингвофилософская категория многообразия в русском, польском и частично в немецком языках. Предлагается в пределах категории многообразия вычленять субкатегории однородного множества и неоднородного множества. Анализируются пути вербализации мыслительной категории многообразия. Освещаются этнолингвистические сходства и различия в языковом выражении категориальных признаков. Даются рекомендации по переводу этнорелевантных моделей многообразия и множественности.

Ключевые слова: категория многообразия, субкатегория множества, комплементарное множество, языковая динамика, языковые сходства и различия.

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-102-123

Кульпина Валентина Григорьевна – докт. филол. наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
Тел.: 495-331-69-19
E-mail: vgrkulpina@mail.ru

Татаринов Виктор Андреевич – докт. филол. наук, президент Российского терминологического общества РоссТерм.
Тел.: 495-331-69-19
E-mail: rossterm@mail.ru

© **Кульпина В.Г.,
Татаринов В.А., 2016.**

Категориальный анализ со времен Аристотеля и до настоящего времени не теряет своей актуальности по причине его включенности в главный предмет языкознания – извечный вопрос соотношения языка и мышления. Тривиально сказать, но появляются новые мыслительные категории, модифицируются языковые средства их объективации, реконцептуализируются методы категориально-концептуального анализа. Авторы настоящей статьи уже предлагали научному сообществу некоторые изыскания по лингвофилософским категориям*. В них мы уже высказали свою уверенность в том, что состав категорий отличается высоким уровнем динамизма как в качественном, так и в количественном отношении. Онтологическая лингвистика могла бы обходиться категориальным составом аристотелевской логики. Но уже со времен Иммануила Канта становится очевидным, что состав категорий человеческого мышления бесконечен и зависит от их феноменологического истолкования. В данном очерке мы предпринимаем попытку описать лингвомыслительную категорию, для которой была избрана номинация «многообразие».

Приоритет изучения данной категории остается за математикой. В языкознании эта категория не проникла, видимо, по причине элитной дефиниции «многообразие» в математике: «Геометрический объект, локально имеющий строение (топологическое, гладкое, гомологическое или иное) числового пространства R^n или другого векторного пространства»

[МЭ 3, с. 734]. Мы исходили из лингвистической терминологизации общеупотребительного слова *многообразие* как «проявление чего-л. единого по своей сущности в различных видах и формах» или «разнообразии, обилие чего-л. различного» [МАС 2, с. 282].

Представленный в статье материал комментируется таким образом, чтобы показать родовой и полиаспектный характер категории многообразия, ее вариантность и синонимичность другим категориям, таким, как множество, разнообразие, полиморфизм, и соотносённость с такими аспективами, как разнородность, неоднородность, динамизм, градуальность, многогранность, многозначность, неопределённость и др. под. Тем самым и категория многообразия, и явление многообразия – это как бы содружество гносеологически-онтологической матрицы, тождественной самой себе, но развивающейся, динамичной, действительности.

Стоит еще сказать, что при классификации форм проявления многообразия мы исходили в первую очередь из знания фактов русского, польского и немецкого языков и их формальных особенностей, чтобы не «оторваться» от здравого смысла и не оказаться в эзотерических мирах. Отсюда представленный ниже фрагмент членения многообразной картины мира целиком и полностью осознан как наш категоризованный современными языками мир.

В результате материал статьи имеет прямой выход в практику преподавания иностранного языка и в практику переводческой деятельности.

I. Категория *однородного* множества в аспекте экспликации межъязыковых различий

Наряду с развитием достаточно общих и синкретичных обозначений однородных явлений некоторого количества типа *штуки, экземпляры, сорта* и т.п., язык развивает всё новые специализированные (т.е. дифференцированные) обозначения, относящиеся лишь к определенному типу квантифицируемых объектов. Сопоставительный лингвистический анализ демонстрирует многочисленные несовпадения и «обманчивость» внутренних форм сопоставляемых единиц, служащих количественной детерминированности объектов.

1. Счетные существительные как выражение категории *однородного* множества в их межъязыковом сопоставлении

Если мы сопоставим счетные существительные русского и польского языков, то можем обнаружить разительные различия внутренней формы. Так, в польском языке скот считают «на штуки», а в русском языке – «по головам». Ср.: 40 sztuk bydła '40 голов (букв. *штуки*) скота'. Для капусты же в польском языке имеется обозначение *główka* 'головка' – *główka kapusty* 'кочан (букв. *головка*) капусты'. И у других предметов и совокупностей животных в польском языке иная, отличная, комбинаторика, чем в русском, например: *ruza papieru* '*пачка* бумаги', *karton papierosów* '*блок* сигарет', *koсяк ryb* – *ławica ryb* [БРПС 1, с. 458].

Характерно, что номинации целых групп однородных предметов, в том числе и обозначающих одушевленные существа, привязаны

к определенным типам счетных существительных. Соответствующий материал содержится в «Теории функционально-коммуникативного синтаксиса» М.В. Всеволодовой: «Названия совокупностей лиц и животных: свора, стая, табун, стадо, орава, отара и под. в прямом и переносном смысле: *свора собак, стая уток, банда убийц*» [Всеволодова, с. 88].

Часть из таких обозначений представляет собой ложно ориентирующие межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика, и не раз может ввести в заблуждение. Так, в русском языке существительное *стадо* может обозначать какую-то более или менее крупную группу домашних животных, пасущихся на определенном пространстве, выпас которых традиционно «контролирует» пастух – например, *стадо овец, стадо коров*. В польском же языке амплитуда его применения значительно шире. Сравним, какие совокупности животных могут быть обозначены словом *stado* ‘стадо’ по материалам толкового четырехтомного «Универсального словаря польского языка»: „Stado bydła, owiec, krów, wilków. Stado ptaków, gołębi, wron” ‘*Стадо крупного рогатого скота, овец, коров, волков. Стадо птиц, голубей, ворон’ [USJP 3, с. 1367].

Общеродовое обозначение не исключает и специализированных наименований, например, для отары овец – „trzoda owiec” [БРПС 1, с. 744], для стаи птиц – „klucz” [Там же, с. 459]. Как видим, с помощью существительного *stado* ‘стадо’ в польском языке могут обозначаться не только группы домашних животных, но и диких, в том числе – опасных для человека, например, *волчья стая* – польс. *stado wilków*, а также – животных из дальних широт, например: *лежбище тюленей* – *stado fok*. Ср. текстовый пример и его перевод: „Na dziesiątym kilometrze od stacji leży *stado fok* (...) Stado liczy kilkanaście sztuk” [Rakusa-Suszczewski, s. 49] ‘На десятом километре от станции лежит *стадо тюленей’. *Стадо насчитывает десятка полтора голов (букв. штук)’.

Интересно также, что наряду с животными и птицами существительное *stado* может быть употреблено также в отношении насекомых. Ср. пример из современного польского языка: „Nad wszystkim zaś unosić się będą stada czarnych much” [Musierowicz, s. 120] ‘Надо всем же будут подниматься *стада черных мух’.

Крупные совокупности диких животных, особенно экзотических из дальних широт, как в русском, так и в польском языке могут называться *колонией* – польс. *kolonia*. Ср. пример: „Przy brzegu pojawiał się samotny pingwin cesarski. (...) Na zachodzie podobno jest ich niewielka *kolonia*. Pierwszą *kolonię* pingwinów cesarskich odkryto w 1902 roku” [Rakusa-Suszczewski, s. 39] ‘У берега появлялся одинокий королевский пингвин. (...) На западе вроде бы есть их небольшая *колония*. Первую *колонию* королевских пингвинов открыли в 1902 году’.

Различия в сфере обозначений групп, указывающих на количество однородных предметов, в польском и русском языках весьма существенны и подлежат инвентаризации и сопоставительному анализу для нужд перевода и лингводидактики.

2. Метафорическое выражение количества однородных предметов

Процессы развития счетных существительных и счетных обозначений групп предметов с особой интенсивностью развиваются на базе языковых механизмов метафоризации: *стаи туч* (в то время как обычно слово *стая* относится к птицам), *мириады мыслей* (ср. *мириады звезд*). В указанных сферах особенно распространены метафорические обозначения, которые образуют устойчивые конфигурации на основе определенных типов объектов. Мы говорим *тьма грибов, куча всякого добра, угощенья сколько душе угодно*, и делаем интертекстуальные вкрапления типа *полным-полна корбушка*.

II. Субкатегория разнородного многообразия

В пределах категории многообразия для нужд лингводидактики и перевода выделяется категория *разнородного множества*, что в принципе логически соответствует второму значению общепринятого понятия многообразия. Количественный состав группы разнообразных, а значит, не единообразных предметов, представлен неоднородными элементами, хотя и связанными по каким-то признакам, позволяющим мыслить эти предметы как совокупность. Понятие разнообразия следует дифференцировать от понятия неупорядоченного множества – например, *ворох листьев, ворох бумаг, куча камней* – когда мы имеем дело с однотипными предметами, но неупорядоченными, представляющими собой хаотическое нагромождение.

1. Дифференцированное комплементарное множество как фокусная часть категории многообразия

Базовую часть лингвистической категории разнообразного множества в русском языке составляют лексемы *разнообразие, многообразие, разнородность и неоднородность*, в польском языке – *rozmaitość* ‘разнообразие’, *róznorodność* ‘разнородность’, *wielorakość* ‘многообразие’.

О.Ю. Богуславская в статье «Разнообразная неопределенность» анализирует такие центральные для рассматриваемой категории прилагательные, как *всякий, всяческий, всевозможный, разнообразный, разный, различный*, составляющие синонимический ряд [Богуславская, с. 56 – 65]. Эти прилагательные «наряду с неопределенностью указывают также на неодинаковость элементов множества, а также на величину множества, которое обозначается с помощью именной группы, в которую они входят в качестве зависимых» [Там же, с. 56]. Наряду с приведенными выше, в статье О.Ю. Богуславской имеется и словосочетание с семантикой многообразия *тут тебе и.*, использующееся при перечислении неоднородных предметов.

К лексемам данного типа – сигналам категории неоднородного, дифференцированного множества – относятся, к примеру, *аксессуары, ассорти, набор* и т.п. Такое понятие, как *шоколадное ассорти* (польс. *mieszanka czekoladowa* – букв. ‘шоколадная смесь’), объединяет в совокупность шоколадная субстанция и единый замысел оформления в пре-

делах одной коробки при запроектированной вкусовой и/или внешней неполной похожести составляющих. *Рыбное ассорти* подразумевает разные сорта рыбы в пределах одной посуды; аналогично *мясное ассорти* подразумевает подачу на одном блюде мяса разных сортов.

Дифференцированное неоднородное множество фиксируется среди прочего лексемой *набор*, которая может служить объединению в одно неоднородное целое самых разных предметов, ср.: *косметический набор*, *набор инструментов* (например, для производственного, медицинского или домашнего применения), *суповый набор* в кулинарии и т.п. Подразумеваемым *набором разных предметов* являются, к примеру, *столовые приборы*, *чайный* или *столовый сервиз*.

Отметим, что формой экзистенции количественных отношений в плане их многообразия являются конкретные предметы или абстрактные сущности, которые имеют место не только в окружающей действительности, но и могут быть представлены исключительно в ментальном мире человека.

Неоднородное, дифференцированное множество, составляющее тем не менее своего рода комплексное целое, мы обозначили как *комплементарное множество*, вводя вместе с тем категорию комплементарного множества. Такое множество формируется за счет его «взаимоприлегающих» частей. Комплементарное множество можно рассматривать как комплект разных деталей, как комплекс. Это не то же самое, что «равноправное» множество: в комплементарном множестве имеются точки соприкосновения и отторжения, взаимодополнение и взаимокоординация. О таком множестве предметов можно говорить применительно к набору инструментов: для садовых работ, для домашнего хозяйства и др. Такое множество являет собой *мебельный гарнитур* и *набор мебели для кухни* (обычно именуемый *кухней*, в том числе в рекламных материалах). Очевидно, что предметы в наборе представляют собой взаимодополняемое (комплементарное) множество. Ведь в «простом множестве», которое воспринимается языковым сознанием как множество однородных предметов, указание на взаимосвязь между этими предметами отсутствует.

Из лексем, сигнализирующих наличие комплементарного множества, можно привести лексему *изделия*. Ср.: *кондитерские изделия* – готовые десертные изделия, часто мучные; *изделия народных промыслов* как произведения народной культуры (выполненные в соответствии с народной традицией – общенациональной или региональной); *посуда* как комплект фарфоровой или керамической посуды.

В плане фиксации неоднородного множества показательно слово *номенклатура* – напр., *номенклатура товаров*; слово *номенклатура* всегда предполагает разнообразие, *номенклатура* – это перечень разных товаров, хотя сами номены служат для обозначения тождественно мультиплицируемых артефактов (!). Взаимоувязанное неоднородное целое сигнализирует лексическая единица *городской транспорт* – означающая разные типы городских транспортных средств (в отличие, к примеру, от видовых наименований *грузевой транспорт* и *личный автотран-*

спорт), но подчиненных единой логистической концепции. Лексема *флотилия* предполагает целое, состоящее из судов разного типа.

В технике неоднородное множество сигнализируют лексемы *станки* (фрезерный, шлифовальный и др.), *оборудование* (цеха, мастерской, для электроподстанций и др.; лабораторное, бурильное, аптекарское, медоборудование и др.), *приборы* (осветительные, оптические и др.), *аппаратура* (измерительная, радиоаппаратура, телеаппаратура). В разных областях деятельности человека имеет хождение слово *инвентарь*, связанное с имущественно-учетными элементами деятельности (спортивный, садовый и др.). Слово *интерьер* в обобщенном плане означает оформление и оборудование какого-то помещения – квартиры, театра и др.

Обращает на себя внимание факт, что возникновение комплементарного множества происходит путем его формирования из однородного, линейного множества, что представляет собой важный процесс с точки зрения развития ментальных структур языка: «Возникновение нелинейности – важная часть процесса созревания в языке, поскольку нелинейные компоненты обычно развиваются посредством таких процессов из менее зрелых, линейных структур» [Даль, с. 311].

Таким образом, комплементарное множество представляет собой более сложное и более абстрактное образование, формирующееся за счет усложнения его структуры. При этом «сложность некоторого объекта – это на самом деле мера сложности его структуры» [Там же, с. 49].

2. Комплементарные множества в деловой и бытовой среде

О.Н. Ляшевская на материале русского языка обращает внимание на особый класс среди существительных *pluralia tantum*: «Это гетерогенные с о в о к у п н о с т и, представленные, в первую очередь, сложными словами со второй частью *-продукты, -товары, -материалы, -припасы (хлебопродукты, канцтовары, пиломатериалы, боеприпасы) (...)* принадлежности и аксессуары [Ляшевская, с. 167].

Отметим, что в польском языке сложносокращенные слова с подобными элементами не выступают. Их польскими соответствиями являются словосочетания или слова, не имеющие сложносокращенной структуры. Ср., например: *канцтовары* – artykuły biurowe [NSRPPR, s. 149] ‘офисные товары’, *хлебопродукты* – artykuły zbożowe [NSRPPR, s. 562] ‘зерновые товары’, *боеприпасы* – amunicja [NSRPPR, s. 18] ‘амуниция’. В русском же языке список таких «вторых частей» можно продолжить: *плавсредства, химреактивы* и др. под.

Слово *изделия* (именно во множ. числе) является «шапкой» для конечных, итоговых продуктов разного типа производств, представляющих собой неоднородное множество каких-либо произведенных продуктов. К примеру, словосочетание *кулинарные изделия* означает готовые или наполовину готовые к потреблению блюда повседневной кухни; словосочетание *кондитерские изделия* – польск. *wyroby cukiernicze* – означает сладкие сложные продукты. Ср. также *изделия кожевенной промышленности, винно-водочные изделия*.

Лексема *изделия* нередко участвует в формировании сложносокращенных слов, так, *металлоизделия* означает совокупность разных произведенных металлических предметов.

Отдельно взятое слово *инвентарь* включает совокупности самых разных предметов, служащих какому-либо виду деятельности. Оно может образовывать сложные слова, например, *спортивный инвентарь* (спортивные снаряды, мячи и др.), и словосочетания, например, *садовый инвентарь*, состоящий из предметов, необходимых для сельскохозяйственных работ в саду – лопаты, грабли и т.п.

Лексема *полуфабрикаты* имеет достаточно широкое хождение в значении готовых элементов, из которых может быть создано какое-то другое, более сложное целое. В польском языке ему соответствует образование с несколько иной структурой – *prefabrykaty*.

Особой темой для сопоставительного изучения неоднородных множеств является обозначение крупных групп разнородных предметов под одним названием. Эта группа широко представлена родовидовыми терминами, такими, например, как *флора* (указывающими на разнообразные растения) и *фауна* (указывающими на разнообразных животных). Лексемы *флора* и *фауна* содержат в себе идею неоднородности, однако в семантике этих существительных она не выступает на первый план. Это не главная, не дистинктивная часть семантики этих лексем.

Семантика неоднородного множества содержится в таких *родовых и видовых терминах* из области растениеводства, как *пасленовые* (помидоры, картофель и др.), *бахчевые* (арбузы, дыни, тыквы, кабачки и др.), *зерновые культуры* (рожь, пшеница, ячмень и др.), *корнеплоды* (морковь, свекла и др.).

Ср. также примеры из области животноводства: *крупный рогатый скот* (коровы, буйволы и др.), *домашняя птица* (куры, утки, гуси и др.). Под термином *водоплавающая птица* прежде всего имеются в виду такие домашние животные, как *утки и гуси*, но в более широком понимании – также и *лебеди*. Интересно, что в русских фольклорных текстах можно встретить такое специфическое неоднородное множество, как *гуси-лебеди*. Однако в сказках они обычно представлены не как плавающие существа, а как летающие, ср.: «Прилетели гуси-лебеди» (из русских народных сказок).

Под общим названием *парнокопытные* имеются в виду разные животные (дифференцированное множество животных) – как экзотические обитатели джунглей, саванны, степей и т.п., так и распространенные в наших краях домашние животные. Это «отряд млекопитающих с двумя одинаково развитыми пальцами (раздваивающимися копытами); например, бегемот, корова, свинья и другие» [БТС, с. 782].

Отдельное совокупное наименование имеется в польском языке для обозначения семейства оленей: *plowa zwierzyna* – букв. 'палевое зверье' [USJP 4, s. 1095] – это словосочетание на основе цветового маркера.

С обозначением неоднородного множества могут быть связаны такие, например, лексемы, служащие категоризации окружающего мира,

как *овощи, фрукты, блюда, напитки...* О.Н. Ляшевская приводит пример: «На прилавке разложены *колбасы и ветчины*» [Ляшевская, с. 246].

В польском языке для обозначения совокупности из разных сортов колбас и ветчины имеется слово *wędlina* ‘копченые мясные изделия’ (ед. ч.), которое может выступать и во множественном числе – *wędliny* ‘мясокопчености’.

Среди сложных понятий, предполагающих разнородное множество, можно назвать *южный базар* – это базар где-то в южных регионах России; это понятие предполагает красочное изобилие и разнообразие фруктов и овощей. Подчеркнем при этом, что *южный базар* – это отнюдь не то же самое, что *восточный базар* – который в обыденном сознании русскоговорящих расположен где-то за границей – в Средней Азии или на Ближнем Востоке. Его главным дистинктивным признаком является присутствие на нем разнообразных вещей, часто экзотических, в том числе сувенирной продукции.

Среди словообразовательных типов, маркирующих неоднородные множества, выделяются заимствованные формации, на почве русского языка сформировавшие тип на *-ий*: *бестиарий* (как совокупность мифических животных), *дендрарий* (как совокупность разных растений под одной крышей), *инструментарий* (прежде всего как совокупность применяемых методов исследования).

В то же время нередки и такие формации, которые в деривационном плане стоят особняком – например, *аптечка* – набор разнородных лекарств, перевязочных и других средств первой необходимости – однако не в медицинском учреждении, а где-то еще – дома, в автомобиле, в школе, в вузе, ср.: *домашняя аптечка, школьная аптечка, автомобильная аптечка*. Среди лексем, не укладывающихся в общераспространенный алгоритм деривации, можно назвать следующие: *тряпки / женские тряпки* (в значении женской одежды, нередко модной и востребованной), *хлам* (как нечто старое и ненужное), *барахло* (как совокупность каких-то вещей, оцениваемых пейоративно в связи с их ненужностью), *мусор* (то, что выкинули на помойку).

Под названием «Конструктор» объединены развивающие игры для детей, направленные на то, чтобы из готовых элементов, деталей дети создавали какое-то более сложное целое – например, игрушечный башенный кран или модель корабля.

Побочные продукты всякого рода производств и бытовой деятельности, состоящие из разнородных веществ, в силу чего также представляющих собой разнородное множество, как правило, имеют форму множественного числа: *отходы, выбросы, помои*. Похожей внутренней формой обладают и польские лексемы множ. числа (соответственно, *odpady, odrzuty, pomuje*).

В деловом, разговорно-деловом и разговорно-бытовом регистрах индикатором комплементарного множества является выражение *всё включено*, а также – образно – *всё в одном флаконе*.

Многофункциональные приборы типа *два в одном, три в одном* и т.п., например, многофункциональный кухонный комбайн, сельскохозяйственный комбайн представляют собой своего рода антонимическую оппозицию, противоположность дифференцированного множества, так как их семантика фиксирует внимание именно на единстве составляющих. Выражение *три в одном* являет собой в наши дни распространенную рекламу, указывающую на совмещение разных функций какого-либо устройства, например, принтера, способного выполнять также функции сканера и ксерокса.

Исходно устройством, воплощающим в себе комплекс функций, является слово *агрегат* в его первом значении: «1. В технике – соединение нескольких разнотипных машин, устройств, аппаратов для работы в комплексе. *Печатный агрегат. Землесосные агрегаты.* □ *Побывали на драге. Это мощный плавучий комплексно-механизированный горнообогащительный агрегат.* Углов, Под белой мантией // Соединение нескольких сельскохозяйственных машин, предназначенных для выполнения определенных операций. *Уборочный агрегат.* □ *Агрегат с двумя сеялками (...)*» [БАС 1, с. 104–105]. Второе значение лексемы скорее не связано с рассматриваемой комплексной категорией: «2. Унифицированный узел машины, предназначенный для выполнения определенных операций. (...) *Недоля что-то устанавливал в одном агрегате мотора.* Бек, Талант [Там же, с. 105].

Третье значение лексемы специализировано на минералогии: «3. В минералогии – срастание одного или нескольких минералов различной формы и строения. *Гранит – сложный агрегат полевого шпата, кварца и слюды*» (...) [Там же].

3. Научно-техническая сфера как важнейшая база для развития понятий комплементарного множества

В научном языке для обозначения понятий разнообразия применяются общенаучные существительные *гетерогенность* (прилагательное *гетерогенный*) и *дифференцированность* (см.: [Татаринов, 2004]), польскими эквивалентами которых являются *heterogeniczność* и *zróźnicowanie* (см.: [Кульпина, 2007]). В сфере отраслевых терминологий нередко имеет место смешение, комбинирование разных веществ с целью получения объектов с какими-то новыми заданными свойствами. Такими комбинациями являются *сплав, амальгама, раствор, запчасти*.

В работе химиков, медиков, нефтяников и ряда других специалистов разнородным множеством, состоящим как минимум из двух веществ, являются *раствор*, у фармакологов таким множеством является *микстура*.

В сфере кулинарии комбинациями разных продуктов являются *соус, салат, мюсли* (как смесь продуктов прежде всего на базе овсяных хлопьев (считающихся особенно полезными) с сухофруктами, медом, орехами и т.п.). В центре данной категории в отраслевых терминологиях стоит слово *смесь* как смешение разных веществ. В последнее время все большее распространение получает лексема *микс*, обозначающая смеси

самых разных веществ, однако вызывающая первую ассоциацию прежде всего со смесью соков. Лексема *комбинация* также означает неоднородное множество, в котором речь идет о каких-то абстрактных сущностях: *комбинации цифр, шахматных комбинациях* и др. Понятию комбинации созвучно понятие *конфигурации*, однако оно фокусирует внимание на типе сочетания элементов (не на типе самих элементов, и в этом разница). Понятие *конstellации* хотя и похоже по строению, но предполагает тем не менее однородное множество (сколь сложным оно бы ни было) – например, *конstellации созвездий*.

С понятием неоднородного множества связана лексема *комплекс*, которая означает такой тип множества, который имеет вполне осязаемые части, составляющие единое целое, например, *архитектурный комплекс* – ср. польс. *zespół architektoniczny*.

В какой-то мере родственным вышеназванному понятию является *кластер*, предполагающий взаимоотноуязанное по каким-то параметрам неоднородное множество крупных и достаточно самостоятельных объектов. Так, *кластер* может составлять, например, предприятие-изготовитель вместе с поставщиками сырья и потребителями готовой продукции.

Понятие *комбинат* в первую очередь относится к производственной сфере и предполагает тип предприятия с разнопрофильными цехами (с достаточной степенью самостоятельности). Чтобы предприятие могло называться комбинатом, оно должно состоять как минимум из двух цехов разной направленности.

Рассмотрим ряд актуальных понятий технической сферы с комплексной комплементарной семантикой.

Лексема *парк* в наши дни как отдельная лексическая единица и как элемент в составе сложных слов содержит в себе идею разнообразия машин, оборудования и технических приспособлений, ср.: *парк машин, технопарк* и др.

Польская лексема *park* 'парк' получает следующую лексикографическую экспликацию: «техн. а) “комплекс транспортного, производственного и т.п. оборудования предприятия, организации” *park maszynowy, samochodowy aglomeracji miejskiej. Park komputerowy przedsi biorstwa. Park o wietleniowy teatru* ‘машинный парк, автопарк городской агломерации. Компьютерный парк предприятия. Осветительный парк театра’, б) территория, на которой собрано такое оборудование» [USJP 2, s. 50].

Русская лексема *парк* связана с семантикой разнородного множества в своем втором значении: «2. Место стоянки и ремонта транспортных средств». Далее эти транспортные средства перечисляются по отдельности, и мы уже имеем дело с категорией однородного множества: «*Трамвайный, троллейбусный, таксомоторный, автобусный парк*. Вагон идет в парк || *Воен.* Место для хранения, обслуживания и ремонта подвижной и другой техники; сама подвижная и другая техника. *Артиллерийский парк. Полевой парк. Саперный парк. Понтонный парк*. 3. *Спец.* Совокупность средств производства в той или иной отрасли народного

хозяйства, в той или иной области промышленности и т.п. *Станочный парк. Парк строительных машин. Автомобильный парк. Машино-тракторный парк*» [БТС, с. 782].

В [БТС, с. 1322] имеется словарная статья **технопарк**: «Научно-производственный комплекс, осуществляющий научные исследования и опытное производство каких-л. новых перспективных технологий». Очевидно, что лексема *комплекс* в дефиниции технопарка предполагает именно некое взаимоувязанное неоднородное целое.

В метафорическом плане употреблена лексема *парк* в названии кинофильма *Парк юрского периода* (англ. Jurassic Park, польск. Park Jurajski, научно-фантастический фильм по одноименному роману Майкла Крайтона, режиссер Стивен Спилберг), где она означает якобы действующий заповедник вымерших когда-то животных (существующих сейчас лишь в романе и в кинофильме).

Лексемы *технополис*, *техноград* и *наукоград* представляют собой синонимы, которые сигнализируют сложное урбанистическое целое с важной научно-технической составляющей. Ср. дефиницию лексемы **технополис**: «Крупный промышленный, научный центр, город» [БТС, с. 1322], т. е. сложный локализатор. Лексемы **техноград** и **наукоград** функционируют как обозначения городов, обладающих хорошей научно-технической базой и большим научно-техническим потенциалом (таких, например, как Зеленоград или Шатура в Московской области).

Лексема *техцентр* означает «предприятие по комплексному техническому обслуживанию автомобилей, сложной бытовой техники. *Открылся техцентр. Техцентр обслуживает жителей района. Услуги техцентра*» [БТС, с. 1322]. Лексическая единица *комплексное обслуживание* является сигналом неоднородного, многоцелевого характера предоставляемых услуг.

Польская лексема *aglomeracja* 'агломерация' представляет собой сложный локализатор и означает «комплекс городов и поселков с богатой инфраструктурой, объединенных вокруг больших городов, являющихся центром» ○ *Agglomeracja stołeczna, warszawska, śląska. Agglomeracja przemysłowa. Wielka aglomeracja miejska*» ○ Столичная, варшавская, сilesкая агломерация' [USJP 1, s. 25].

В [БТС, с. 28] слово *агломерация* присутствует только в сугубо техническом значении: «*Техн.* Получение крупных кусков из рыхлых мелких руд, пылевидных материалов путем спекания».

В [БАС] лексема *агломерация* в первом значении выступает с технической семантикой: «В металлургии – термическая обработка...», во втором значении в специальном биологическом значении означает «образование скоплений клеток или микроорганизмов...» и лишь в третьем значении агломерация предстает как процесс: «В демографии – слияние близлежащих населенных пунктов, приводящее к сращиванию ближайших городов (как одно из проявлений урбанизации)» [БАС 1, с. 102]. Между тем в речи мы нередко употребляем лексическую единицу *городская агломерация* как комплекс, состоящий, как правило, из большого

города и прилегающих к нему городков и поселков, и при этом не имеется в виду какой-либо процесс.

Лексема *застройка* представляет собой понятие значительно более узкое, чем инфраструктура, тем не менее также сложное, предполагающее локализацию на единой территории разных типов домов и других построек, т. е. неоднородное множество: «1. Застроить. (...) 2. Разг. Здания, построенные на каком-л. участке, территории. *Окружающие застройки. Застройки последних лет*» [БТС, с. 348].

Лексическая единица *городская застройка* означает разнообразные типы строительных сооружений – дома разных типов, технические помещения, магазины, мастерские и т.п.

Ср. семантизацию польской лексемы *zabudowa* ‘застройка’: первое значение – *застраивание*, не связано с понятием неоднородного множества. С этим понятием связано второе значение: «здания, находящиеся на какой-либо территории; также: застраиваемая территория». В иллюстративных примерах: «○ *Drewniana, murowana zabudowa. Zwarta, rozproszona zabudowa. Zabudowa miejska, peryferyjna. Osiedle o luźnej zabudowie. Teren przeznaczony pod niską, willową zabudowę*» [USJP 4, s. 748] ‘○ Деревянная, каменная застройка. Плотная, рассеянная застройка. Городская, периферийная застройка. Микрорайон со свободной застройкой. Территория, предназначенная под низкую, коттеджную застройку’.

От застройки отличается понятие *инфраструктуры города*. Впрочем, эта лексема употребляется во многих областях знаний и во многих смыслах.

Польская лексема *infrastruktura* означает «книж. “оборудование и организации по обслуживанию (например, в области транспорта, просвещения, здравоохранения), необходимые для соответствующего функционирования общественной жизни и производственных отраслей экономики” Δ *экон.* Экономическая инфраструктура “инфраструктура, охватывающая услуги в области транспорта, коммуникации, энергетики, ирригации, мелиорации и т.п.” Δ *социол.* Общественная инфраструктура “инфраструктура, охватывающая услуги в области права, безопасности, образования и просвещения, здравоохранения и т.п.”» [USJP 1, s. 1213].

Русская лексема *инфраструктура* означает «совокупность предприятий, учреждений, систем управления, связи и т.п., обеспечивающих деятельность общества или какой-л. его сферы. *Инфраструктура общества. Инфраструктура транспорта. Инфраструктура электроснабжения.* | О такой совокупности, обеспечивающей деятельность отдельного предприятия, населённого пункта и т.п. *Инфраструктура города. Инфраструктура завода*» [БТС, с. 397].

И таким образом, как русская лексема *инфраструктура*, так и польская *infrastruktura*, означают разнообразное множество вещей, формирующих пространство города, села, микрорайона.

4. Комплементарные множества в топонимике городской среды

Рассмотрим проявления категории комплементарного множества, которые обнаруживаются в городской ономастике – названиях мага-

зинов. В городской среде названия магазинов в своем большинстве обращены к понятию разнообразия, которое, по всей вероятности, является собой для современного человека величайшую ценность, в том числе информационную. Ср. названия цветочных магазинов: «Мир цветов», «Цветы мира», «Галерея цветов», «Улица цветов», «Салон цветов», «Цветочный базар». Индикатором разнообразия служат такие лексемы, как *мир* (подразумевается по умолчанию, что *мир* всегда красочно разнообразен), *галерея* (первой ассоциацией со словом *галерея* является *картинная галерея*, т. е. многообразное множество, элементы которого не похожи друг на друга). Аллюзия с разнообразием содержится также в лексемах *улица*, *салон*. Показателем яркого, колоритного многообразия служит также лексема *базар*.

Магазины, торгующие разного рода артефактами, также в своих названиях делают упор на богатое разнообразие товаров. Ср.: «Коллекция ткани». Слово *коллекция* указывает как на разнородность товаров, так и на их ценность. Ср. также «Галерея меха», «Торговая галерея», «Салон дизайнерской одежды», «Улица гобеленов», «Серебряный мир» (магазин с изделиями из серебра).

Названия «Мир обуви» и «Дом обуви» также указывают на разнообразие продаваемой обуви. Следует отметить, что лексема *мир* в названиях магазинов стала исключительно частотной в качестве индикатора разнообразия товаров. Ср., например, «Мир офисной мебели». На взаимоувязанность, координированность, согласованность в разнообразии товаров указывает название магазина мужской одежды «Альянс». На светский характер разнообразия указывает лексема *салон*: «Салон обоев». Семантика разнообразия в метафорическом плане выступает в таких лексемах, как *панорама* и *планета*. Ср.: «ТЦ “Панорама”, “Планета суши”». Разнообразие с «иностранным оттенком» выступает в названиях «Суши шоп», «Минимаркет» и «Супермаркет».

Намек на разнообразие содержится и в названиях продуктовых магазинов: «Лавка деликатесов», «Мясная лавка», «Рыбная лавка». Старинная лексема *лавка* всегда указывает на разнообразные продовольственные товары какого-то типа.

Лексические единицы, в основном отдельные лексемы, с семантикой разнообразного множества чрезвычайно распространены в наши дни в качестве номинаций разного рода крупных торговых предприятий.

Идею разнообразия внушают и такие традиционные для нашей страны названия большого магазина продовольственных товаров, как «Гастроном» и многопрофильного магазина «Универсам».

5. Антропонимы и термины родства, обозначающие микроколлективы

Дифференцированные множества могут базироваться на родственных коллигациях групп людей, составляющих оппозиции по каким-либо признакам. Специфическим типом разнородного множества являются обозначения человеческих *микроколлективов* – пар, семей и других совокупностей. На материале русского языка О.Н. Ляшевская указывает

ет: «В различного рода парных и коллективных отношениях могут находиться люди (супруги, родители, собеседники, противники, тройняшки, погодки, одноклассники)» [Ляшевская, с. 61]. Добавим, что по признаку родственных коллигаций образуются названия семейных микроколлективов: *Журбины, Жуковы, Рождественские*. Такого типа «малое множество» может быть образовано и от целого ряда польских фамилий, например: *Kowalscy* ‘Ковальские’, *Wiśniewscy* ‘Вишневецкие’.

Характерной чертой польского круга лексем, обозначающих парные «миниколлективы» на основе «приоритетного», привилегированного лица является их незамкнутость. Так, практически от многих фамилий субстантивного типа получили развитие формации множественного числа, ср.: *Nowak* ‘Новак’ – *Nowakowie* ‘Новаки’ (т. е. глава семьи Новак с супругой или в целом семья Новаков), *Kowalik* ‘Ковалик’ – *Kowalikowie* ‘Ковалики’ (глава семьи с супругой или вся семья *Ковалик*). В русском языке их «отдельность» не столь ярко выражена в деривационном плане, так как они образуются как обычное множественное число. В польском же языке им присущ формант *-owie*, распространяющийся лишь на часть существительных, обозначающих лиц. Формации с семантической мотивацией привилегированного лица стали образовываться и от мужских имен (не только фамилий), ср.: *Jurkowie* (букв. ‘*Юреки’), ‘*семья Юреков’, *Józefowie* (букв. ‘*Юзефы’) от имени *Józef* ‘Юзеф’. Ср. в русской диалектной речи: *Дунькины, Петькины, Колькины* – о членах семьи данных людей.

Польское слово *rodzeństwo* в зависимости от его денотативного содержания подразумевает микроколлектив детей, у которых одни и те же родители и которые связаны братско-сестринскими узами. При этом количество членов микроколлектива в дефинициях словарей не оговаривается. Лексема *rodzeństwo* достаточно диффузна по своему интенционалу, который подразумевает братьев и сестер в разном количестве, и в зависимости от их конфигурации лексема может получать соответствующий перевод: *брат и сестра, брат и сестры, сестра и братья, братья и сестры*. Эта лексема не используется в адресивной функции.

Аналогичная лексическая формация имеется в немецком языке. Лексема *Geschwister*, согласно словарным данным, означает (в словаре XIX в.): «сестры; братья; брат и сестра; братья и сестры» [Павловский 1, с. 891]. В семантике данной лексической формации с XIX в. ничего не изменилось. Ср.: «Ich habe drei Geschwister» ‘у меня трое братьев и сестер’ [Duden, S. 641]. В словаре [DaFK, S. 405] представлена следующая дефиниция: «люди мужского и/или женского пола, у которых одни и те же родители». И приводится пример: «Ich habe noch drei Geschwister» ‘У меня еще трое братьев и сестер’. Обратим внимание, что в немецком языке не требуется уточнять, сколько при этом братьев и сколько сестер (!). В словаре [DaFH, S. 292] семантика лексемы проясняется с помощью иллюстрации в виде вопроса и ответа: «Hast du noch Geschwister? – Ja, zwei Brüder [und eine Schwester]» ‘У тебя есть еще братья и сестры? – Да, двое братьев и одна сестра’. Переводы, которые даются в двуязыч-

ных словарях, или переводы, которые мы предложили, являются гиперкорректными переводами. В русском языковом узусе используются «аналогичные» немецкому языку конструкции: У тебя есть *братья* (гендерная дифференциация отсутствует). – Да, *двое* (опять нет уточнения – братьев или сестер). Конечно, можно сказать, что русский язык различает *двое* и *две*, но если брат *и* сестра, то различие отсутствует – опять же *двое*. По отношению к своим детям уточнения обычно также не бывает: У Вас есть *дети*? – Да, *пятеро*.

В то же время среди обозначений пар и микроколлективов целый ряд таковых выделяется *по признаку привилегированного лица*. Так, в слове *родители* основой его формирования является привилегированное лицо *родитель*; в польском языке, соответственно, основой образования слова *rodzice* ‘родители’ является слово *rodzic* ‘родитель’; в немецком языке «привилегированной» семьей является признак старшинства – *Eltern* ‘старшие’.

В польском языке шире представлены «парные термины родства» (обозначения разнополюх родственников) (см. подробнее: [Кульпина, 1998, с. 108–143]). В польском обозначения целого ряда «родственных пар» мотивированы названиями привилегированного лица: *dziadkowie* ‘дедушка с бабушкой’ от *dziadek* ‘дедушка’, *wujostwo* ‘дядя с тете́й’ от *wujek* ‘дядя’. Отметим, что в русском языке такого типа образованием является *родители* от *родитель* – польским соответствием данного образования является *rodzice* ‘родители’ от *rodzic* ‘родитель’.

6. Метафорические способы выражения комплементарного множества

Ряд метафор с семантикой разнообразного множества не всегда поддается пониманию на элементарном уровне. А если иметь в виду еще и нередко возникающую потребность перехода на другие языки, при осмыслении и переводе метафор могут возникнуть серьезные проблемы.

Для осмысления семантики комплементарного множества на метафорической базе полезно применение понятия эмергентности: «Некоторое свойство высшего уровня эмергентно, если его нельзя предсказать или вывести из свойств некоторого низшего уровня или свести к ним. Таким образом, эмергентизм можно рассматривать как отрицание редукционизма – точки зрения, согласно которой свойства высшего уровня всегда можно свести к свойствам низшего...» [Даль, с. 57].

Метафорические способы выражения разнообразия многолики, ср.: *фестиваль скидок, гамма чувств, палитра ощущений, философия моды* (набор красок для волос). Метеорологическая метафора *ураган звуков* служит описанию музыкального произведения или его части, когда сильные и разнообразные звуки пребывают в отношении друг друга в состоянии гармоничной координации.

На основе процессов метафоризации понятие разнообразия / многообразия (как и другие количественные отношения менее сложного порядка) выражается также специфическими «типами» счетных существительных, которые проявляют тенденцию к постоянному развитию,

например: *калейдоскоп огней*, но *радуга красок*, *целая палитра эмоций*, *коктейль ощущений*. Примером семантики смешения может послужить понятие *коллажа*: *коллаж* прежде всего означает переплетение нитей, например, в трикотажном изделии. Однако в современном языке развилась семантика коллажа как комбинации разнородных предметов, например, коллажем может называться тематическое сочетание фотографий или рисунка / живописи и фотографии. В негативном смысле коллажем может называться преднамеренно созданное фальшивое сочетание разных фотографий или разных компьютерных изображений, предназначенное для того, чтобы ввести в заблуждение (например, криминалистов).

Лексемы, принадлежащие научной, технической и деловой сферам – информативной среде, выступающие в переносных, метафорических значениях, также нередко служат выражению семантики неоднородного множества, формируя сложные понятия особой природы. При этом «рост абстрактности, при прочих равных условиях, должен увеличивать системную сложность, поскольку делает отображение структуры на поверхностный результат менее прямолинейным» [Даль, с. 312].

Так, лексема *veer* в значении 3: О большом и разнообразном наборе чего-л. *Целый в. возможностей. В. возможных предложений и вариантов. В. жанров и стилей* [БТС, с. 115]. Как видим из иллюстративных примеров, лексема *veer* характеризует разнообразие у абстрактных сущностей.

Польская лексема *wachlarz* ‘веер’ в значении неоднородного множества выступает в значении 2.b: «2. *книж.* (...) b) *перен.* «амплитуда, разнородность; сфера, масштаб» [USJP 4, s. 331]. Ср иллюстрации: «*Aktorka zaprezentowała cały wachlarz swych umiejetności. o Wachlarz spraw, zagadnień, problemów, tematów. Szeroki wachlarz zainteresowań, możliwości. Zawężony wachlarz propozycji*» [Там же], букв. ‘*Актриса представила целый веер своих умений*’. о ‘*Веер дел, вопросов, проблем, тем. Широкий веер интересов, возможностей. Суженный веер предложений*’.

Как видим, в польском языке слово *wachlarz*, как и его русский эквивалент *веер*, также характеризует неоднородные множества абстрактных предметов. Однако это не те предметы, которые в русском языке характеризуют абстрактные предметы в количественном плане. В связи с вышесказанным необходимо продумать возможности перевода польских и русских коррелятов, установив какой-то круг их более или менее надежных соответствий.

Польская лексема *przekrój* ‘срез’ в качестве обозначения разнородного множества релевантна в значении 1. (...) b): «*перен.* “картина всех составных элементов чего-л., рассматриваемых под определенным углом с точки зрения какого-л. признака” о *Przekrój społeczny narodu. (...) Świat w przekroju*» [USJP 2, с. 682]. ‘Социальный срез народа. (...) Мир в срезе’.

Русским соответствием польского показателя разнообразия *przekrój* ‘срез, обзор’ является лексема с иной внутренней формой – *панорама*,

ср.: *панорама событий* (разных событий), ср. также название журнала «Автопанорама».

Ряд метафор, сигнализирующих неоднородное множество, является международным достоянием. Так, название сети магазинов «Золотой Вавилон» международному сообществу вполне понятно в своей метафорической сути и, собственно говоря, требует лишь калькированного перевода.

Однако некоторые названия групп товаров, формирующих комплементарное множество, часто метафорической заправки, безусловно, подлежат переводу путем семантизации и трансформации. Так, лексическая единица *линейка молочных товаров* служит для обозначения разных молочных товаров, как правило, от одного производителя; единица *линия косметики* также проистекает из одного производственного источника: такие названия не всегда поддаются переводу методом калькирования, чтобы быть понятными при их транспозиции даже на близкородственные языки. В польском языке лексема *linia* 'линия' с конкретной семантикой выступает в значении транспортной (железнодорожной) линии и в целом ряде абстрактных значений и не обладает аналогичной семантикой, что русская лексема *линия* как группы разных товаров от общего производителя, объединенных функциональным предназначением.

Проблемы перевода лексем с семантикой комплементарного множества осциллируют в первую очередь вокруг проблем 1) различий внутренней формы (ср. польск. *przekrój wydarzeń* – букв. 'срез событий', и русск. *панорама событий*), 2) наличия/отсутствия эквивалентного соответствия (например, немецкая лексическая единица *Geschwister* не имеет аналога в польском языке, 3) представленности в одном языке цельнооформленного слова, в то время как в сопоставляемом языке имеет место двусловная лексическая единица (напр., польск. *zioła* – русск. *лечебные травы*) (об алгоритмизации процесса перевода см.: [Татаринов 2007, с. 185 – 284]).

Развитие категории множественности идет по пути дифференциации – привязки к определенным предметам или типам предметов и в то же время развития обобщающих понятий. Сошлемся на известное суждение: «Как только традиционная дисциплина сталкивается с новым, чувственно насыщенным материалом опыта, и вынуждена его исследовать, она покидает зону “строго научного” исследования. Вот что заставляет обратиться к поиску неких оперативных или дополнительных понятий или “инструментов”, которые могли бы помочь определить границы новейшего гуманитарного опыта. Все эти “среды”, “территории”, “области”, а более точно, психически-чувственная материя опыта, или *множества*, как раз и провоцируют появление таких средств наблюдения, которые смогли бы как-то отразить его уникальность и неповторимость» [Подорога, с. 17].

В процессы развития новых обозначений для групп разнообразных предметов вовлекаются и процессы заимствования лексических единиц. Ср., например, обозначение группы разнородных предметов, имеющих

дополнительное, часто декоративное, применение в какой-либо области – *гаджеты*, которое употребляется в России и в Польше достаточно широко.

Заключение

Таким образом, анализ вербальной объективации форм категории многообразия свидетельствует как о довольно конкретных содержательных границах данной категории, так и о ее весьма значительной онтологической, а вслед за ней и гносеологической размытости. Однако это говорит о ее мыслительной активности и открытости для дальнейшего развития.

Есть все основания полагать, что категория многообразия может быть дополнена подкатегорией комплементарного разнообразия, маркирующей неоднородные множества, особенно если учитывать сопоставительные аспекты, с особой силой высвечивающие специфику данной подкатегории.

Очевидно, что межъязыковые различия в презентации множественного числа наблюдаются по всему спектру типов множественности. Эти различия касаются отнюдь не только формальной презентации категории счетности. Они затрагивают проблематику различий в концептуализации множественности. Это важная группа с точки зрения сопоставительного анализа и выявления различий. Внимание к проблемам выражения количественных отношений проявлялось еще в древности. Категория количества была выделена Аристотелем, а категория множественности была выделена Кантом с точки зрения структуры мышления познающего субъекта. Гегель выделил количество, качество, меру. В наши дни происходит развитие уже сложившихся категорий, что вызывает к жизни дополнительные приемы исследования.

В прагматическом отношении есть вполне реалистичные выводы по результатам исследования категории многообразия. Проблема выделения однородных и неоднородных множеств чрезвычайно важна с точки зрения преподавания русского языка иностранцам, с точки зрения преподавания иностранных языков и установления межъязыковой эквивалентности. Проблемой лингводидактики и перевода являются счетные существительные славянских языков, в том числе и те, которые маркируют неоднородные множества.

Примечания

*См., напр.: *Кульпина В.Г.* Особенности локативного употребления личных местоимений // Вестн. Московского университета. Сер. 9. Филология. 1985. № 1; *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Аббревиация как способ категоризации специальных понятий (методологические аспекты) // Вестн. Московского университета. Серия 9. Филология. 1990. № 4; *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Языковая и ментальная динамика категорий количества и разнообразия в русском и польском языках // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова. Филолог. ф-т. Труды и материалы / под общ. рук. М.Л. Ремневой. М., 2012, с. 265–266; *Татаринов В.А.* Категориальная многозначность терминов как языковой способ си-

стематизации и структурирования научного мира // *Alma mater. Вестн. высшей школы.* 2013. № 8; *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов // *Вестн. Московского университета. Серия 22. Теория перевода.* 2014. № 2.

Литература

Богуславская О.Ю. Разнообразная неопределенность // *Русский язык сегодня.* Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века: сб. статей / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: ЛКИ, 2009.

Кульпина В.Г. Особенности локативного употребления личных местоимений // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология.* 1985. № 1.

Кульпина В.Г. Функционально-семантические измерения лексического класса (сопоставительное исследование квантитативной лексики в русском и польском языках) // *Русский филологический вестн.* 1998. Т. 83, № 1/2.

Кульпина В.Г. Польско-русский общенаучный словарь. М.: Московский Лицей, 2007.

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Аббревиация как способ категоризации специальных понятий (методологические аспекты) // *Вестн. Московского ун-та. Серия 9. Филология.* 1990. № 4.

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Языковая и ментальная динамика категорий количества и разнообразия в русском и польском языках // II Междунар. науч. симп. «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова. Филол. ф-т. Труды и материалы / под общ. руков. М.Л. Ремневой. М., 2012.

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов // *Вестн. Московского ун-та. Серия 22. Теория перевода.* 2014. № 2.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Подорога В.А. Как мыслит лингвист? Теория концепта в философии языка Ю.С. Степанова (набросок к теме) // *Языковые параметры современной цивилизации: сб. тр. первой научн. конф. памяти академика РАН Ю.С. Степанова / под ред. В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер.* М., 2013.

Татаринов В.А. Немецко-русский общенаучный словарь. М.: Московский Лицей, 2004.

Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. М.: Московский Лицей, 2007.

Татаринов В.А. Категориальная многозначность терминов как языковой способ систематизации и структурирования научного мира // *Alma mater. Вестн. высшей школы.* 2013. № 8.

References

Boguslavskaya O.Yu. Raznoobraznaya neopredelennost' // *Russkii yazyk segodnya.* Vyp. 2. Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka: sb. statei / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova; otv. red. L.P. Krysin. M., 2003.

Vsevolodova M.V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. M.: Izd-vo MGU, 2000.

Dal' E. Vozniknovenie i sokhranenie yazykovo slozhnosti. M.: LKI, 2009.

Kul'pina V.G. Osobennosti lokativnogo upotrebleniya lichnykh mestoimenii // Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. 1985. № 1.

Kul'pina V.G. Funktsional'no-semanticheskie izmereniya leksicheskogo klassa (sopostavitel'noe issledovanie kvantitativnoi leksiki v russkom i pol'skom yazykakh) // Russkii filologicheskii Vestn. 1998. T. 83, № 1/2.

Kul'pina V.G. Pol'sko-russkii obshchenauchnyi slovar'. M.: Moskovskii Litsei, 2007.

Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Abbreviatsiya kak sposob kategorizatsii spetsial'nykh ponyatii (metodologicheskie aspekty) // Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 9. Filologiya. 1990. № 4.

Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Yazykovaya i mental'naya dinamika kategorii kolichestva i raznoobraziya v russkom i pol'skom yazykakh // II Mezhdunar. nauch. simp. «Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire». Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova. Filol. f-t. Trudy i materialy / pod obshch. rukov. M.L. Remnevoi. M., 2012.

Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. O rekontseptualizatsii problem perevoda i perevodnoi leksikografii v trudakh pol'skikh yazykovedov // Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2014. № 2.

Lyashevskaya O.N. Semantika russkogo chisla. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.

Podoroga V.A. Kak myslit lingvist? Teoriya kontsepta v filosofii yazyka Yu.S. Stepanova (nabrosok k teme) // Yazykovye parametry sovremennoi tsivilizatsii: sb. tr. pervoi nauch. konf. pamyati akademika RAN Yu.S. Stepanova / pod red. V.Z. Dem'yankova, N.M. Azarovoi, V.V. Feshchenko, S.Yu. Bochaver. M., 2013.

Tatarinov V.A. Nemetsko-russkii obshchenauchnyi slovar'. M.: Moskovskii Litsei, 2004.

Tatarinov V.A. Metodologiya nauchnogo perevoda: K osnovaniyam teorii konvertatsii. M.: Moskovskii Litsei, 2007.

Tatarinov V.A. Kategorial'naya mnogoznachnost' terminov kak yazykovo sposob sistematizatsii i strukturirovaniya nauchnogo mira // Alma mater. Vestn. vysshei shkoly. 2013. № 8.

Источники

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М.; СПб.: Наука, 2004.

БРПС – Большой русско-польский словарь: в 2 т. М.; Варшава: Советская энциклопедия; Wiedza Powszechna, 1980.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.

МЭ – Математическая энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т. 3.

Павловский – Павловский И.Я. Немецко-русский словарь: в 2 т. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007.

DaFH – Wörterbuch Deutch als Fremdsprache. Ismaning; Mannheim: Hueber; Dudenverlag, 2003.

DaFK – Kempcke G. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin; New York: de Gruyter, 2000.

Musierowicz – *Musierowicz M.* Wnuczka do orzechów. Poznań: AKAPIT PRESS, 2014.

NSRPPR – Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2010.

Rakusa-Suszczewski – *Rakusa-Suszczewski S.* Roczniki antarktyczne. Warszawa: Zakład biologii Antarktyki PAN, 2004.

USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003.

Sources

BAS – Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 1. M.; SPb.: Nauka, 2004.

BRPS – Bol'shoi russko-pol'skii slovar': v 2 t. M.; Varshava: Sovetskaya entsiklopediya; Wiedza Powszechna, 1980.

BTS – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998.

MAS – Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. M.: Russkii yazyk, 1981–1984.

ME – Matematicheskaya entsiklopediya: v 5 t. M.: Sov. entsiklopediya, 1977. T. 3.

Pavlovskii – Pavlovskii I.Ya. Nemetsko-russkii slovar': v 2 t. M.: AST; Astrel'; Khranitel', 2007.

DaFH – Wörterbuch Deutch als Fremdsprache. Ismaning; Mannheim: Hueber; Dudenverlag, 2003.

DaFK – Kempcke G. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin; New York: de Gruyter, 2000.

Musierowicz – *Musierowicz M.* Wnuczka do orzechów. Poznań: AKAPIT PRESS, 2014.

NSRPPR – Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2010.

Rakusa-Suszczewski – *Rakusa-Suszczewski S.* Roczniki antarktyczne. Warszawa: Zakład biologii Antarktyki PAN, 2004.

USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003.

Kulpina V.G., Tatarinov V.A. (Moscow, Russian Federation)

Category of diversity in linguaphilosophic prospect

Category of diversity is described in subcategories of homogeneous and inhomogeneous multitudes, allowing to reveal a natural categorization within the category of quantity. An integral multitude, presented within the category of quantity, is formed, among other things of countable nouns, like: *штуки, головы, кочаны*, etc.: *булочек четыре **штуки**, сорок **голов** скота, два **кочана** капусты*. When account is carried out on the basis of countable nouns (explicable or implied), a man is abstracted from the individual characteristics of objects, they are thought of as the same person and attention to their differences is not focused on. It is described a type of homogeneous multitudes as the “group” refer to the number of the type *стадо* etc.: *стадо овец, косяк рыб, лежбище тюленейстадо и др.: стадо овец, косяк рыб, лежбище тюленей*. It is established cross-language differences filling lexical units within the multitude uniform on the basis of a comparison of the Russian and Polish languages.

The focus of the article is the heterogeneity of the multitude category, designated as a complementary multitude, in which the union objects to the group is based on the complementary elements provided in various multitudes, multitudes with different nominations and acting in conjunction with the names of the objects themselves, which form these multitudes: *ассорти, коллекция, канцтовары*. The essence of such multitudes is that elements within the group combined a certain connection (as opposed to a uniform multitude), are not the same, but different and complementary. It is analyzed different groups of such multitudes in the household, business, the scientific field, in onomastics. Among the non-uniform multitudes, groups of people, for example, are viewed on the material of the Polish and German groups like in German *Geschwister* and Polish *rodzeństwo*, indicating brothers and sisters in different proportions, while in normal circumstances, the lexemes do not require refinements in these languages.

Key words: *category of diversity, subcategory of multitude, complementary multitude, language dynamics, linguistic similarities and differences.*

Kulpina Valentina Grigorievna – Ph.D. of philology, associate professor of Slavic languages and cultures of foreign languages and region study faculty. Moscow State University of M.V. Lomonosov. Phone: 495-331-69-19, e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Tatarinov Victor Andreevich – Ph.D. of philology. President of Russian terminological society RossTerm. Phone: 495-331-69-19, e-mail: rossterm@mail.ru